
Эвелина АЗАЕВА

УСТАЛОСТЬ МЕТАЛЛА

Рассказ

...На меня, бедная, пеняет, говоря: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самой смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович, ино еще побредем».

Житие протопона Аввакума

Рядом с домом, где проживает журналистка Лидия Сиверцева, — богатый район. С особняками за несколько миллионов. В Канаде все именно так: район бедный, район средний, район миллионерский. Все рядом, мирно сосуществуют. Друг с другом не смешиваются, но и не враждуют.

В России если простых людей поселить бок о бок с буржуями, возникнут недоумение и желание расследовать: а каким таким непосильным трудом нажиты палаты каменные? Потому элитные поселки строятся вдалеке.

В Канаде этого вопроса ни у кого не возникает. Всяк сверчок знает свой шесток. Капитализм в стране не прерывался, и народ, восставший было в 1918–1919 годах, после российской революции, и затребовавший себе немало разных прав по примеру русских рабочих, и получивший некоторые (но уже не помнящий, благодаря кому и чему), давно свыкся с тем, что есть он, народ, и есть какие-то малые проценты тех, кто в минуту получает столько, сколько простой человек в два года.

Богатые канадцев не раздражают. И есть в этом смирении некая обреченность. Дескать, кто мы и кто они? Они всегда были, есть и будут. И все, что нам остается — тянуться за ними.

К этому призывает и телевидение со своим культом успеха. Дескать, крутись, инвестируй, вкладывай туда и сюда, и тебе тоже будет счастье.

Люди инвестируют. Те, у кого есть деньги. И действительно получают прибыль. Но до настоящих буржуев им далеко. Там дело темное — какие были инвестиции. И были ли вообще. Те секреты — как делаются многомиллионные, миллиардные состояния — никто со страниц газеты не откроет. А потому рядовому гражданину, жаждущему роскоши, остается читать книжки, написанные такими же, как он, небогатыми авторами про «поверь в себя».

Сиверцева едет мимо богатого района и вспоминает, как она однажды решила свозить туда тетю, приехавшую из Томска. Хотела показать ей дворцы. Но вскоре им на

Эвелина Азаева родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде («А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие»). Печаталась в журналах «Нева», «Дружба народов», «Наш современник» и др. С 1998 года живет в Канаде.

хвост пристроилась машина, потребовали остановиться. Вежливо спросили что им тут надо. Поездить не запретили, но уже расхотелось. Получилось, будто она заехала на бал чужой жизни, и ее вежливо спросили: какого черта...

А ведь это обычная городская улица. И никаких писанных правил, что по ней нельзя ездить, нет.

И Лида, которая в конфликте красных и белых всегда была за белых, вдруг подумала по-пролетарски, глядя на все эти башенки и кованые ворота с золотыми листьями: «Да чтоб вы сдохли! Недобитки».

Была ли это зависть? Нет. Это была обида трудящегося. Она, Лида, окончила университет и много работает. Честно, с душой. И если на ее улицу забредет бож, она не будет выяснять что он тут делает. Он имеет право идти по этой улице и дышать этим же воздухом. А тут надо же, она отравила богатеям воздух выхлопом от своего «шевроле». Они боятся, что она им... что? Взорвет? Нагадит на парковке?

— Поехали, поехали, — трясла за плечо тетя. Она испугалась охранников.

Лида уехала, но настроение было испорчено, и она думала по дороге о том, что в СССР тоже была знать, но жила она на тех же улицах, что и все люди. Да, в центре города. Но там жили и рядовые граждане... Знать ходила с ними по одним тротуарам. Квартиры ее были побогаче (но не в разы, как сейчас!), но улицы и воздух у нее с народом были общие. И никто не пристраивался в хвост, если ты шла, например, мимо Дома на набережной. А если кто из руководителей слишком возносился, его пропесочивали в парткомах и в фельетонах. Не задирай нос перед народом! И генсеки, когда их спрашивали о любимом блюде, традиционно говорили про жареную картошку, гречку и борщ. Чтобы народ видел, что они не оторвались.

Как все изменилось потом... Ельцин был первым, кто ответил, что любит суши. Лида тогда, в девяностые, питаясь в основном макаронами и хеком, думала: что за суши такое? Хоть бы кто вокруг сказал, да никто, как и она, не знает.

Лида еще на втором курсе заочного журфака, в восемнадцать лет, получила урок на эту тему — как от народа не отрывать. Хайрулла Касымович Ахметжанов, первый редактор, рослый, широкоплечий, красивый казах, добрый и справедливый, вызвал как-то с вопросом, почему она не ответила на письмо чабана.

— Вот жалоба пришла, что не ответил ему политический отдел газеты.

— Ой, — закатила глаза юная творческая интеллигенция, — дурак какой-то... Что попало написал... Там не на что отвечать.

— Это что еще? — вскипел Хайрулла. — За каждым письмом — человек! Если он написал в газету — значит, доведен! Значит, чиновники отопнули, и только на журнальных надежда! А красиво написать не может, так он животновод, он и не обязан! Ты должна разобраться и написать красиво! Если есть о чем. А нет — так ответить ему. И ласково! Потому что он в тебя верит!

Лида запомнила урок на всю жизнь. И никогда больше не оставляла писем без ответа. Даже когда переехала в Канаду, поселилась в Монреале и открыла газету на русском языке, и время уже стоило денег, она отвечала и на письма, и на телефонные звонки. И выслушивала порой по часу-полтора, и утешала. Потому что «за каждым письмом — человек!»

* * *

— Ты знаешь, что в районе, где богатые, проживает сын Сихулашвили? — сказал знакомый рекламный агент и устроитель массовых мероприятий Исаак Лернер. Через месяц у него в русском районе Монреале будет проходить фестиваль «Русский само-

вар-2005». Он его каждый год устраивает, собирает спонсоров, приглашает артистов из России, и сейчас, через нее, Лиду, хочет познакомиться с семьей Сихулашвили.

— Сделай с ним интервью, заодно Расскажи о нашем фестивале, — просит Лернер. — Может, отец придет, выступит.

Лида обещает.

Сихулашвили — известный грузинский танцор. Любимец советского народа. При его появлении на лицах расцветают улыбки.

Страна распалась, и Грузия повела себя неожиданным образом. Стоило Москве ослабнуть, как бывшая братская республика бросилась в объятия более сильной державы. Да ладно бы только бросилась, но она постоянно лягала Россию, плевала в ее сторону, будто ничего хорошего меж ними и не было. А ведь не просто было! Было такое прошлое, что нигде и никогда Грузии больше такого времени, таких даров — материальных и духовных — не взять...

Ах, как любили грузин в СССР! Лида читала, что однажды провели опрос на тему, какая нация в стране самая популярная. Вышло, что грузины. Они были — как любимый ребенок. Красивый, благородный, вспыльчивый. Этот ребенок говорил с милым русскому сердцу акцентом. Он проповедовал красивые истины: что старых надо уважать, женщину — боготворить и надо быть верным в дружбе...

Русские верили. Что грузины именно таковы. Радостно вскрикивали вслед за ними «генацвале!» и, не зная грузинских слов, насвистывали мелодию «чито-грито». И признавали Пиросмани художником — чего не сделаешь ради дружбы? И даже прощали грузинам фильмы студии «Грузия-фильм».

Москва выискивала в Грузии таланты и делала из них звезд. Где был бы Сихулашвили, если бы не Москва? В лучшем случае в тбилисском театре. А может быть, плясал бы на деревенских свадьбах. Москва же сделала из него мегазвезду. Его снимали в фильмах, он ездил с концертами по всей стране. И везде его качали на руках, пели дифирамбы, кормили-поили бесплатно, вручали дары...

Так он провел жизнь. Сегодня это лысый старик с редкими зубами.

Лида, как и все зрители, думала, что он такой же добрый, как в кино. И была уверена, что это политики вбивают клин между народами, а на самом деле не может быть, чтобы грузины были против русских, чтобы не помнили, что вместе воевали и как богато, изобильно жили в советское время. Она с мамой приезжала в Грузию по турпутевке в 1980 году, и обе были удивлены тем, что простые люди живут в двухэтажных домах, похожих на дворцы культуры. У них в Томске жили куда беднее. Частные дома — одноэтажные. И полки магазинов не ломались от изобилия. Не голодали, разумеется, но и не роскошествовали, как в теплых республиках.

Хотя чему удивляться, думала Лида, повзрослев. Еще Монтескье говорил, что империя — как дерево. Если ветви слишком разрастаются, они отнимают жизненные силы у ствола. Вот и в СССР советская власть с самого начала «поднимала окраины», сыпала туда много и лучшее. Обездолывая центр. Чтобы были верны. Чтобы подтянулись до уровня России во всем. И так с тех пор и продолжала Россия сыпать... В Грузии, как потом написали газеты, было самое большое по Союзу количество машин на душу населения. Москва понастроила там курортов, обеспечив местное население легкими деньгами.

А вон что получилось...

Сожрано и забыто.

Лида верила, что Сихулашвили, конечно, скучает по СССР, где у него была прекрасная творческая жизнь, что благодарен русским. Ведь как не любить народ, который

тебе рукоплещет, который до сих пор принимает тебя с распростертыми объятиями, несмотря ни на какие политические заявления Тбилиси?

* * *

Исаак снабдил Лиду телефоном сына Сихулашвили, и она договорилась с ним об интервью. Точнее, Шота передал трубку какой-то женщине, видимо жене, и та, внимательно выслушав Лиду, узнав, что Сиверцева является корреспондентом популярной российской газеты в Канаде, благосклонно согласилась принять ее в своем доме.

Дом оказался в том самом богатом районе. Когда Лида пришла, шли строительные работы. Рабочие мостили камнем пространство перед дворцом, а около них стоял в спортивном костюме Шота Сихулашвили. Надсматривал.

Это был высокого роста и средней комплекции мужчина лет двадцати семи. С хорошей фигурой, безвольным лицом и ярко-синими «зенками» на нем. Так Лида про себя называла глаза, которые ничего не выражают. Просто смотрят. Приборы видения.

Шота с журналисткой поднялись по широкой витой лестнице наверх.

— Познакомьтесь с Соней, — предложил мужчина.

Лида вошла в комнату с высокими или, как называют их в Канаде, кафедральными потолками. Потолки были украшены панно — как в Эрмитаже. Под ними — золотая лепнина. Пол — мозаика из паркетных досок. Такое Лида тоже видела в Эрмитаже.

Никакой мебели в помещении не было, кроме трех кресел у окна и столика.

Одно кресло занимала полная маленькая женщина с невнятной прической. На лице — ни грамма макияжа. При том, что женщина не из красавиц. Одутловатое лицо, большие, смотрящие пристально, остановившиеся глаза. Стертые брови, малозаметные ресницы. Усики над верхней губой.

Рядом с ней Шота смотрелся как витязь в тигровой шкуре, а она — как эта самая шкура.

Но лицо у «шкуры» в отличие от него было волевое.

— Софья Владимировна, — представилась женщина, которой на вид было лет тридцать пять.

В Канаде нет отчеств. И русские тоже их не используют в разговоре. Потому представление себя по имени-отчеству означало, что собеседница требует особого к себе уважения.

Лида догадалась, что хозяйка дворца — Соня.

Шота суетился вокруг нее. Он даже не начинал говорить, пока она разглядывала Лиду. Курила и смотрела на журналистку оценивающим взглядом. Потом кивком разрешила приступить к интервью.

И из Шоты полилось...

Из рассказа о его детстве выяснилось, что он не рос с золотой ложкой во рту, не был мажором, а терпел невероятные тяготы русской оккупации. Что папе и маме приходилось в поте лица трудиться, чтобы купить кусок сливочного масла. Что грузин притесняли, не давали им пробиться...

— Да что вы такое говорите? — возмутилась Лида. — А Думбадзе? Данелия? Брегвадзе, Гвердцители, Бокерия? Да Сталин, в конце концов? Где еще, какой страной мира руководил грузин? Это как так вас притесняли, если министром иностранных дел назначили Шеварднадзе?

Шота продолжал бухтеть. Он не смотрел на Лиду, а, как заведенный, повторял то, что, видимо, давно заучил. Сообщил, что всегда мечтал стать летчиком, но еле поступил в Московский авиационный институт, его не хотели принимать, и конечно, из-за

национальности. Но отец подключил связи, и приняли. А потом преподаватели его ненавидели и в итоге отчислили как будто бы за неуспеваемость и пропуски занятий, а на самом деле из великодержавного шовинизма. И вот так в России везде — издевательство над нацкадрами, затирание их в угол, резюмировал Шота.

При этом оказалось, что со школьным образованием он успел полгода поработать в российском Министерстве торговли, потом год в крупной российской энергетической компании. С тех пор он больше не работал, так как искал себя. И сейчас не работает, поскольку «помогает жене контролировать стройку». Шота очень рад, что СССР распался и он смог свободно выехать в Канаду, найти там свою любовь и жениться. А Россия — да провались она пропадом.

Он сказал просто:

— Ее дни сочтены.

Лида была поражена открытием: получается, это было в семье Сихулашвили всегда. С его, Шоты, детства. Пламенная русофобия. Дети высказывают то, что скрывают родители. И никто, никто в России не знает, что у народного артиста СССР в доме такие настроения...

— Но разве Грузия не жила богаче России в советское время? — спросила.

— Вы ленивый народ, — ответил безработный Шота. — Не любите трудиться и не умеете. Потому вы бедные...

— А вы кем сейчас работаете?

— Жене по стройке помогаю.

Лида молчала. В голове всплывали картинки советского прошлого: как мужчины в больших кепках продают у метро зимой гвоздики. По бешеной цене. И мандарины. Продают уставшим людям, наломавшим спины на заводах и фабриках, возвращающимся из НИИ и университетов. Вспомнились и криминальные хроники девяностых: об этнических группировках квартирных воров, об оргпреступности, ворах-барсеточниках...

Если она вывалит сейчас все это, будет скандал. Но должен же кто-то остановить витязя в ослиной шкуре?

Она взглянула на Софью Владимировну. Та ответила взором, полным неприязненного любопытства. Она была в разы умнее своего спутника жизни. И ей было смешно. Она не принадлежала ни к большому народу, от которого в минуту беды почти все бежали, ни к малому, предъявляющему претензии. Ей было наплевать на обоих.

Соне было забавно видеть, как журналистка глаза-то выпучила. А чего, спрашивается, хотела? Похвал Рашке, глупых мантр про дружбу народов? Дура. И все они болваны там, в России... Не умеют распорядиться деньгами и человеческим ресурсом. Вот она, Соня, Шоту использует по назначению. Он, конечно, недалек. Но она его не для финансовых операций нанимала. А он именно нанят — спит с ней за канадский паспорт. И не просто спит, а слова ласковые на ушко шепчет...

Он, может быть, думает, что после того, как получит документы, сбежит. Но не тут-то было. Соня, помогая ему заполнить анкеты на иммиграцию, так как сам он английского не знает, в некоторых местах наврала. Потому что Канада лишает людей гражданства в одном-единственном случае — когда они обманули при получении вида на жительство. Канадцы этой малой лжи сейчас не раскроют. Но в будущем Соня всегда сможет держать Шоту в своих пухлых ручках. Попробуешь сбежать — и я расскажу властям, что ты соврал в анкетах.

Подло, вы считаете? Нет. Предусмотрительно.

Софья познакомилась с Шотой во время гастролей его отца в Монреале. Парень ей сразу приглянулся — не красавец, но глаза васильковой голубизны, и голубиный взгляд — кроткий. А главное — фигура хорошая. Для нее — подарок. Софья отдавала

себе отчет в том, что она не красавица. Женщина не могла найти себе пару и по другой причине — своего богатства. Мужчины, увидев ее красный «феррари» или побывав в строящемся замке, сразу говорили: «Какая ты красивая! Как я тебя люблю!», и она устала от этого. Среди русскоязычных эмигрантов равного себе по состоянию да еще такого, чтобы нравился, она не видела. Канадцы на нее не обращали внимания. Спать с пронырливыми мужчинами, обладающими канадской паспортной, вообще было опасно: такие могли оттяпать часть имущества. По канадским законам пожили некоторое время под одной крышей, так уж считай семья, и сожитель — даже не муж — может претендовать на половину. Потому подвернувшийся под руку Шота был подарком судьбы. Вида на жительство у него нет, полностью в ее руках. Захочет Соня — сделает ему канадскую паспортину, захочет — в любой момент позвонит в Министерство иммиграции, скажет, что он женился для получения вида на жительство, и его в два счета депортируют.

И он тоже это знает. Отрабатывает. Никогда Соня не просыпалась такой счастливой, на такой заросшей волосами, мужественной груди. Шота не лез не в свое дело — не расспрашивал о финансовых делах, а готовил блюда грузинской кухни, варил кофе, присматривал за рабочими и устраивал небо в алмазах по ночам. Он был всегда готов, и это при ее насыщенном графике являлось просто спасением. Иногда она приезжала домой на полчаса, злая оттого, что в бизнесе что-то шло не по плану, а возвращалась на работу отдохнувшая, посвежевшая. И уверенная в себе.

Дураки вы все, думала она, затягиваясь сигаретой и поглядывая на журналистку. Людей надо использовать по назначению. Ты же не прикуриваешь от гвоздя? Одни созданы для труда, другие для секса, третьи — для того, чтобы руководить. Надо понять, кто для чего, и не нарушать инструкцию к применению.

А русские нарушили. Хотели всех осчастливить. Но как, как ты можешь сделать из торговца на рынке ученого или шахтера? Кремлевские мечтатели. Заставили дехкан на пианино играть, еще и спасибо ждут. А надо уметь читать инструкцию к применению. Она у каждого человека на лбу написана. Как и у каждого народа.

...В современном мире такие мнения, как у Сони, считаются фашизмом, но поскольку книг она не читала, как и газет (кроме статей о финансах), то она не знала о себе этого любопытного факта. Скажи ей, что на воротах немецкого концлагеря было написано то же, что у нее в голове: «Каждому — свое», она бы искренне удивилась.

Тем временем разговор ее супруга с журналисткой уже превратился в перепалку. Он ругал Россию, она — защищала. Дошли до вопроса о Чечне. Шота говорил, что Москва — оккупант, что правильно Грузия боевиков лечила и ютила у себя.

— И Басаев был прав, когда захватил школу в Беслане? — спросила Лида.

«Хех, вот куриная голова, — усмехнулась Соня. — Думает, задала прямо опупенный вопрос, и Шота сейчас пойдет на попятную».

— Да, прав. А что еще ему оставалось делать? — спросил Шота. — Вы оккупировали Чечню, вы убивали мирное население.

— Дети погибли!

— Это Путин виноват.

Журналистка молчала. Она не знала, что ей делать: встать и уйти прямо сейчас? Она так требовательно посмотрела на Соню, что та решила вмешаться.

— Давай ты лучше расскажешь свою родословную, — предложила Шоте. — Это для интервью куда лучше будет, чем споры.

— Мои предки были князьями, — начал тот.

И вдруг журналистка ухмыльнулась.

— Почему вы смеетесь? — холодно спросил Шота. — Папа много раз говорил об этом в интервью, вы не читали?

— Нет, просто я вспомнила слова Гоголя о князьях на Кавказе. Понимаете, тут такое дело... С кем из ваших ни поговоришь, у половины предки — князья.

— Что сказал Гоголь?

Соня даже перестала курить, ей было интересно.

— Я не буду, вы обидитесь, — пошла на попятную журналистка.

— Не обидимся! Говорите! — приказала Соня.

— Он сказал: «На Кавказе всякий подлец, помыкающий двумя другими подлецами, уже именуется князем», — произнесла Лида.

Повисла мертвая тишина.

— Может, конечно, ему приписывают эти слова, — уронила в тишину Лида.

Она уже понимала, что интервью не состоялось. Все превратилось в склоку. И эта усатая жаба все время смотрела на нее злобно. Она видела, что ее невольник глуп. И видела, что это знает Лида. И Соне было неприятно, что ее избранник глуп в глазах другой женщины. Это означало, что она, Соня, спит с дураком.

Сначала, соглашаясь на интервью, Соня хотела посмотреть, как Шота будет вести себя с другой женщиной — не будет ли заигрывать, хотела и узнать мнение о нем умной дамы, журналистика все-таки интеллектуальная профессия. И вот эксперимент провалился. Шота не заигрывал с гостьей, но с самого начала зарусофобил, и это было неразумно. Ведь интервью с ним могло выйти в Москве. Непонятно пока зачем, но могло бы понадобиться. Соня знала, что иногда нужно делать что-то, что не несет явной прибыли, но может сыграть на нее в будущем.

Журналистку можно было прикормить, приручить, но Шота поволок не в ту сторону, и гостя время от времени взглядывала на Соню с недоумением. Мол, как ты терпишь это возле себя?

Как-как... Тебе хорошо, ты стройная, блондинка, думала Соня. А у меня волосы по всему телу. Вплоть до лица. Светлые, издали не видно, а вблизи заметно. А мужчины — они вблизи. И приходится всю жизнь делать эпиляцию рук и ног — аж до самого не хочу. И по бокам лица... И эта эпиляция все равно видна, если мужчина близко. И фигуру не сохранишь: работа сидячая, из офиса в машину, из машины в офис. Благополучие-то — оно вот таким упорным сидением в кресле делается. Мозг и железная задница — залог успеха.

Однако, как ни странно, журналистка вдруг сделала вид, что не обиделась. Она тепло попрощалась, разулыбалась и сказала, что принесет готовое интервью на одобрение через два дня.

Соня с интересом на нее взглянула. Хм... Ну ладно, посмотрим.

Она подала журналистке руку, а на Шоту даже не взглянула. Он еще свое получит.

* * *

Через два дня Лида стояла у высоких, кованых, в завитушках, ворот. На них даже был вензель «SK» — Софья Кишиневская.

Лида позвонила заранее, и теперь Шота бежал к воротам открывать. Они поздоровались весело, как друзья. В Шоте было хорошо то, что он незлопамятен. У него всю жизнь, как сетовали родители, в одно ухо влетало, в другое вылетало. И в этом было его счастье. В том, что не заморачивался. Потому что если бы заморачивался, не смог бы жить с Соней.

Лида вошла в комнату и сразу отдала распечатанное интервью хозяйке дома. В России она не заверяла ни у кого интервью, разве что если брала его у представителя ФСБ. А тут, в Канаде, где журналист постоянно находится под угрозой судебных исков, лучше материал дать на подпись.

Однако на этот раз она знала, что интервью не одобряют. Потому что Лида написала все как есть. Как было. Все свои вопросы и все его ответы. И если в разговоре все смотрелось просто нехорошо, то на бумаге это была катастрофа. После такого интервью артиста Сихулашвили возненавидела бы вся Россия. Тайное стало бы явным.

...Соня читала и хмурилась. Потом, дойдя до конца, она подняла лицо. Оно было растерянным и гневным.

— Нннет! — выдохнула. — Мы не даем разрешения это печатать!

Шота взял листок и пробежал по нему глазами.

— Я не согласен!

— Ну вы же все это сказали.

— И что? А печатать — не согласен.

— Ну и ладно, — улыбнулась Лида.

Она оставила на столе листки и ушла.

Она шла к машине и думала, что впервые в своей жизни писала всего для двух людей. Не для миллионов российских читателей, а для этой парочки: некрасивой женщины и ее альфонса. Для сына неблагодарного танцора. Для глупца, который кусает дающую руку.

Лида создавала зеркало, в которое эти двое могли бы посмотреться.

Да, она потеряла впустую время. Не получит оплаты. Но иногда, чтобы люди хоть что-то о себе поняли, нужно не сказать им, что они не правы, а просто записать их прямую речь и подsunуть под нос.

«Русские — лентяи», сказанное сторяча на пьянке и сказанное в газете — совсем разные вещи. Особенно если в газете указать, что произносит это мужчина, работающий резиновой куклой.

«Боевики были правы, когда взяли в заложники детей» выглядит погано и вслух, но в газете — это атомный взрыв. Причем в какой бы стране ни вышло. Даже в Канаде, где боевиков в девяностые называли мягко «повстанцами» (rebels) и «борцами за свободу» (freedom fighters), такое невозможно напечатать.

Лида вышла за кованые ворота и подумала, что сейчас хозяйка дворца всыплет Шоте по первое число. А потом он искупит вину в постели, и Софья Владимировна улетит на седьмое небо. Где и положено быть таким богатым женщинам хоть иногда. Ведь рискует Соня, где-то воруя и кого-то намахивая. Не верилось, что такие состояния приобретаются честным путем. Тем более эмигрантами.

* * *

Через несколько лет танцор Сихулашвили расчехлился. Такое па выкинул, что его возненавидела вся Россия. Старик подумал, что денег он накопил, недвижимости купил и более ему ничего от Москвы не надо. Ан потом оказалось, что надо, и он предпринял было несколько попыток оправдаться, да не был прощен. И тогда танцор через российские газеты послал россиянам несколько проклятий. И ответно был проклят навек.

* * *

Потом Лида надолго забыла о Грузии и ее жителях. В Канаде они ей не встречались. Был момент в 2008 году, когда ее газета в российско-грузинском конфликте заняла пророссийскую позицию, ей вдруг начала звонить незнакомая женщина и с сильным акцентом ругаться: «Вы все алкоголики и проститутки! Как вы смеее оправдывать российскую агрессию?»

— А ничего, что мы русская газета? — спросила Лида.

Эк, привыкли... В девяностые годы российские «демократические» газеты всегда выступали на стороне всех, кто против русских. И видимо, «все» к этому привыкли. Самое страшное было в чеченскую войну, когда московские СМИ, в ту пору сплошь либеральные, давали репортажи с мест мясорубки. Армию своей страны холодно называли «федералы» (а в газетах даже проскальзывало и «педералы»), саму Россию — «эта страна», а террористов — бородатых дядек, отрубаящих головы девятнадцатилетним солдатам, исподволь превозносили. Интервью брали у наемников из Саудовской Аравии. Из интервью следовало, что русский народ должен быть за саудитов и спонсируемые ими отряды. Ежели он умен и честен. А коли дурак, то пусть переживает за «федералов». Но тогда он будет нерукопожатен...

Русский и чеченский народы теряли свою молодежь, детей, а уральский алкаш пил, и олигарх Бабуинский открыто финансировал бандформирования — на глазах у всей страны, передавая чемоданы налички прямо перед телекамерами, якобы для выкупа солдат. Пишущая «демократическая» братия бесновалась в восторге от происходящего. Одна из таких бесновашек, журналистка Панько, прославлявшая боевиков, однажды попала к ним в плен, была изнасилована, повешена за руки и за ноги умирать, и только случай в виде ненавистных «федеральных» военных спас ее.

...Женщина продолжала звонить Лиде в газету, склонять редактора, и Лида бросала трубку. Она тем не менее не перестала покупать хачапури в грузинском ресторане «Колхида» в пригороде Монреаля. Думала, что не все же такие безумцы, как звонившая или Шота? Нельзя винить весь народ во взглядах отдельных личностей. Есть ведь и хорошие грузины.

Но было странно, что после перестройки из Грузии не доносилось народного голоса. Что мы-де против своих политиков, хотим дружбы с Россией, помним все хорошее. Вы, мол, нашего Мишико не слушайте... Никогда нигде Лида Сиверцева не встречала грузинской ностальгии по СССР. Из Средней Азии такие голоса доносились постоянно, в Молдавии несли самую большую Георгиевскую ленту. А из Грузии — ничего не было.

Однако Лида верила, что народ не виноват. Напоминала себе: вон полководец Багратион, умирая, говорил детям: «Помните, вы — русские!» А Сталин? Пил за русский народ, восхищался им. Сражался за СССР на международной арене. Бил внутреннего врага. Много можно рассуждать о репрессиях, но факт остается фактом: Иосиф Джугашвили был лидером русского народа в самое трудное время, победил вместе с ним в войне и оставил ему право вето, помогающее России до сих пор, атомную бомбу, спасающую Россию по сей день, и поднятое после Гражданской войны, а потом и после Великой Отечественной народное хозяйство. В «сталинках» народ до сих пор живет.

А Яков Джугашвили? А боевой летчик Василий Сталин? Неспрятанные и неспрятавшиеся дети честного отца. Значит, не все такие, как Шота.

* * *

Вскоре в офисе редакции появился молодой человек красоты необыкновенной. Это было лицо, от которого глаз не оторвать. Матовая, чистая кожа, прямой нос, большие темные, газельи глаза, мужественная недобритость идеально слепого небесным скульптором лица.

Лицо назвалось Тенгизом. Он сказал, что ему посоветовали обратиться к ней, к Лиде, с его огромной проблемой.

Лида слушала проблему и любовалась. Вот откуда, оказывается, взялось слово «ненаглядная красота». Действительно, глаз не отвести.

Он о своей неотразимости знал и, как выяснилось, страдал от нее. Речь Тенгиза была бурной, эмоциональной, с сильным акцентом и активной жестикуляцией.

— Понимаете, я красивый. Я не хвастаюсь, просто знаю...

— Не стесняйтесь. Это очевидно.

— Так вот, я постоянно влипаю в ситуации! Еще в армии было, нас везли из одного города в другой, и мы спали на вокзале. Я вдруг проснулся и вижу, что на меня какой-то мужчина смотрит. «Ты, — говорит, — такой красивый, просто картина». И тут нет никакого гомосексуализма. Просто вот так всегда все люди, любого пола, на меня реагировали.

— Верю.

— Я приехал в Канаду по рабочей визе с другими ребятами-грузинами. Подал документы на получение вида на жительство. И понеслось. Тут какое-то общество бешеных одиноких женщин! Они рвут меня на куски! Они угрожают депортировать, если не дашь!

Лида едва сдерживалась, чтобы не засмеяться. Тенгиз хмурил брови, очи сверкали негодованием, он возносил руки к небу, словно прося у него защиты. И это были идеальные мужские руки, как у статуи Давида.

Далее он поведал такую историю. Однажды, на свою беду, он повстречал пятнадцатилетнюю распутницу. Девочку, у которой формы были, как у взрослой, и которая не стесняла себя ни в чем. По его словам, она буквально влезла на него, как коала на дерево, а он не мог сопротивляться, так как ее феромоны лишили его сил.

Тенгиз и лихая несовершеннолетняя Илона Ласкина любили друг друга самозабвенно — в парках, в мотелях, в лифтах и т. д. А потом Тенгиз снял квартиру в том же многоквартирном доме, где жила Илона, и она утром вместо того, чтобы идти в школу, спускалась этажом ниже и проходила другую школу.

Так они неистовствовали полгода, пока обман не раскрылся. Мама Илоны пришла предъявлять Тенгизу претензии и пугать заявлением в полицию. Однако его виноватое прекрасное лицо произвело на сорокалетнюю маму такое воздействие, что она решила не заявлять в полицию, а вовсе даже наоборот — стала отправлять дочь в школу, а сама заявлялась к Тенгизу с тарелкой пирожков и в пеньюаре.

— Вот принесла домашнего, — говорила, смело проходя в квартиру и усаживаясь на диван. Закидывала ногу на ногу и призывно смотрела.

Тенгиз понял, что выхода нет, обидеть женщину — значит попасть в руки полиции за совращение несовершеннолетней, и стал окучивать и эту грядку. Илоне он, разумеется, не сообщал. А мать делала все, чтобы помешать встречам дочери с Тенгизом. Запретила их.

Ее подвела болтливость. Марина Ласкина решила похвастаться сестре своей сексуальной жизнью. Точнее, она выглядела такой счастливой, что Мила, сестра, заметила это и осведомилась о причине сияющей ауры.

Марина все рассказала. Миле захотелось посмотреть на прекрасного Ясона. Ровно так же, как сестра, в один скверный для Тенгиза день она объявилась на пороге его убежища разврата. И уже через две минуты разговора дала понять, что хочет большой и светлой любви и что его шаг назад будет приравняться к побегу. Она ведь знает, что он спит с несовершеннолетней. Более того, она паралигал¹ — подкованный в составлении заявлений человек.

¹ Паралигал — профессия в англоязычных странах. Паралигалы, не имея высшего юридического образования, являются помощниками юристов и выполняют часть их функций.

— Я не знаю, что мне делать! — обхватив голову, говорил Тенгиз. — Скажите мне! Она изнасиловала меня! И это длилось несколько месяцев! Я спал с тремя!

— Вам не понравилось? — сдерживая смех, спросила Лида.

— Нет! У нее волосы по всему телу! Как у меня. Но у меня темные, а у нее светлые. Руки с вот такими волосами!

Он показал пальцами длину в полтора сантиметра.

Лида расхохоталась. Это ж надо, сколько в Канаде волосатых баб.

— Простите меня, — повторяла она, смеясь. — Просто вы так жарко обо всем этом говорите, я никогда не слышала ничего подобного...

— Так мне еще приходилось врать всем трем, что они у меня единственные, и делать все, чтобы они не пересеклись!

Тенгиз сидел, вытаращив глаза от возмущения и раскинув руки, как бы говоря: что это? Что происходит в этом мире, где беззащитного грузина может изнасиловать любая канадская паралигалша? И это — цивилизованное, демократичное общество?

— О'кей, а что дальше? — придав лицу серьезное выражение, спросила Лида.

— Дальше было хуже. Мама и тетя Илоны взревновали меня к ней. Они поняли, что я люблю только ее. Догадались, что мы встречаемся. И стали следить, чтобы она ко мне не бегала. Мы не виделись два месяца. А потом встретились в лифте. И у нас случился секс. И представляете, лифт останавливается, двери открываются, и мы с Илоной видим этих двух — маму и тетю.

После этого меня арестовали. Но... я не дурак... я когда был у Илоны дома, выкрал ее дневник. На всякий случай. И этот дневник меня спас. Там она описала, сколько у нее было мужчин. И сделала график, в котором отмечала, кто и как все делает, ставила им оценки, записывала размеры членов... Следователь, когда прочитал, а писала девочка на английском, сказал мне, что она шалава и что меня отпустят. И меня отпустили. За недоказанностью. И теперь мы снова с Илонкой встречаемся. Но тайно от двух мегер.

— Так в чем проблема?

— Они грозят, что напишут в Министерство иммиграции, и меня депортируют.

— И что я могу сделать?

— Не знаю. Посоветуйте.

Лида посоветовала расстаться с Илоной и переехать в другой город. А мегерам сказать, что вернулся в Грузию. Чтобы им не было смысла куда-то писать...

— А как получите канадские документы, так и вернетесь к Илоне. Она уже подрастет и сможет выйти за вас замуж.

— Она не дождетя. Распутная.

— Вы удивляете меня.

— Спасибо, что выслушали.

— Не отчаивайтесь. Ваша красота со временем поблекнет, и вы сможете жить нормальной жизнью, годам к семидесяти, — пошутила Лида.

Тенгиз грустно кивнул.

— Я понимаю, вам не хочется жить в Грузии: маленькая страна, негде развернуться. А почему вы не поедете в Москву? — спросила.

— Что вы такое говорите! — всплеснул руками Тенгиз. — Что я забыл в Москве? Там одни...

— Алкоголики и проститутки, — подсказала Лида.

— Я не то хотел сказать, — смутился Тенгиз.

— До свидания, мне пора закрывать офис. Я подумаю, что можно для вас сделать, — сказала Лида, в эту же секунду решив, что делать для него ничего не будет.

Но правило «за каждым письмом — человек» сработало и тут. На следующий день после долгих раздумий Лида позвонила паралигалу Ласкиной, которую знала лич-

но как работодателя, и оставила на автоответчике суровое сообщение, что «я к вам прекрасно отношусь, но поступила жалоба... и мы обязаны отреагировать... Может быть, этот человек преувеличивает, но вы знаете, как в Канаде такие вещи называются... Сексуальный харассмент... Получается, что вы, паралигал, запугиваете подающих на статус иммигранта, пользуетесь служебным положением и принуждаете... Еще раз: ничего личного, исключительно из заботы о вас... Потому что если вы не прекратите встречи с известным вам лицом, мы вынуждены будем обратиться с жалобой в вышестоящие органы, и вы потеряете лицензию. А после мы опишем в газете этот случай всем паралигалам в назидание».

Лида на самом деле не обязана была предпринимать никаких мер. Это в СССР газета, партийный орган, была обязана. А тут частный бизнес. Хочет — слушает редактор Тенгиза, помогает ему. Не хочет — не слушает и не помогает. Но вряд ли Ласкина это знает. Ее дело — сочинять липовые истории для тех, кто хочет получить вид на жительство в Канаде. Писать, что их в России преследовали за национальность, религию, сексуальную ориентацию. В работе СМИ она ничего не понимает.

Лида теряла работодателя, то есть деньги. Но думала так. Допустим, Тенгиз — русофоб. Но значит ли это, что его можно насилловать? Нет. И потом, какой же он русофоб, если явился за помощью в русскую газету? Но самое главное — «за каждым письмом — человек». Если Тенгиз пришел к ней, значит, верил, надеялся. Лиду всегда, всю жизнь трогало доверие людей к журналистам, народная вера в существование неподкупных, смелых, режущих правду мастеров слова. Рушить эту веру — все равно что отобрать конфету у ребенка.

Через месяц Лида позвонила Тенгизу и узнала, что его утомленные чресла отдыхают от секса. Сестры Ласкины отвязались, а с Илонкой он расстался, застукав ее со своим приятелем.

* * *

Лида лежала в постели и перечитывала одну из любимых книг — «Я, бабушка, Илико и Илларион» Нодара Думбадзе. Книгу лиричную, светлую и полную юмора. Книгу, от которой многие в СССР еще больше полюбили грузин. Лида привезла с собой в Канаду целый чемодан любимых книг, и Думбадзе был среди них.

Так бывает, что один человек, который правильно себя ведет, может привлечь любовь миллионов к своему народу. Думбадзе — привлек. В его книгах грузинские парни уходят на фронт, погибают, и все герои его повестей — благородны и благодарны. Честны и великодушны. Милы и забавны.

«Солгал он, приукрасил? — думает Лида про писателя. — Или глаз любого человека устроен так, что свой народ видишь безгрешным? Или он написал правду, и грузины именно таковы, а сейчас просто „обострение отношений“?»

И может, когда-то две страны снова станут друзьями?

А, с другой стороны, оно нам надо? Какая нам польза, кроме мандаринов?

Лида вдруг почувствовала, что очень устала и глаза закрываются. «Самое тяжелое, когда хочется спать, — это веки», написал Думбадзе. Но тут не просто спать хочется. Есть такое понятие, как усталость металла. А русские, считает Лида, это металл, сталь, нержавейка. Но она тоже может устать. От вечного предательства. От бесконечной миссии прощать, помогать...

Усталость металла. Лида ее периодически испытывает. Когда читает неприятные новости о поведении бывших советских республик или стран Варшавского договора. Больно душе. Обидно.

Но имеем ли мы право уставать, думала она. Нет, не имеем. Мы империя, были, есть и будем. И как только наберем силу, к нам снова приблудятся все... И скажут, что «мы не хотели, нас заставили». А мы сделаем вид, что поверили, потому что так полагается империям.

«А завтра новый рейс, и я опять его возьму...»

Если поступить иначе, ты станешь удельным княжеством. И тебя сотрут в порошок. Величия не прощают.

Но надо намотать опыт на ус и не валить уж так-то всем вокруг от своих щедрот... Своих сперва накормить и приодеть. Вон англичане совсем не так вели себя в Индии, как русские в своих «колониях». И ничего, индийцы эшелонами едут в Британию и Канаду — зла не держат. И уважают богатство и силу Британской империи. Хотя им британские сахибы ногу выставляли — ботинки чистить. А русские сына грузинского сапожника на трон усадили. Не пренебрегли.

И нате вам...

Сожрано и забыто.

А все ж смешно, как похожи судьбы Грузии и ее отдельных представителей — Шоты и Тенгиза, думала Лидия. Не в красоте счастье, хохотнула уже почти сквозь сон. Ну и ладно, не наше дело. Бог зря испытаний не посылает ни людям, ни странам.

Что касается русских, думала Лида, то в физике есть понятие не только усталости металла, но и его выносливости. Усталость — это когда постоянные напряжения меняют свойства металла, и он разрушается. А русские, они разве меняются? Нет. Выходит, этой стали свойственна выносливость металла.

А значит, «ино еще побредем»...